

— ЗАРЯДЬЕ. —

ДВОРЕЦ ТОРГОВЛИ С АТЛАНТАМИ

Сергей Диковинный

Серия «Места, которых нет»

Сергей Диковинный

**Зарядье. Дворец
торговли с атлантами**

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Зарядье. Дворец торговли с атлантами / С. В. Диковинный —
«Автор», 2026

Она стояла на Варварке почти семьдесят лет — и была признана самым красивым зданием Зарядья. Дворец торговли Товарищества Никольской мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями: купеческая империя, каменные атланты на фасаде, чай, сахар, резина, страховые общества, мануфактуры. А потом пришёл 1967 год — и его снесли одним из последних. Чтобы сделать удобный подъезд к гостинице, у которой уже был другой подъезд. Это история одного дома и целого района, который жил пять с половиной веков, а исчез за десять лет. О Зарядье, храмах, которые уцелели чудом, палатах Романовых и Английском дворе, о двадцати восьми снесённых зданиях и о том, что осталось на их месте. О памяти, которой не нужен гнев — только точность и уважение. Документальная новелла из цикла «Места, которых нет».

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Улица Варварка и Зарядье	5
Глава 2. Дворец торговли	8
Глава 3. Красный звон: как в Зарядьеменялись хозяева	11
Глава 4. 1967. Гостиница «Россия» идвадцать восемь зданий	13
Глава 5. Пустырь вместо Зарядья	16
Эпилог. Парк «Зарядье»	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Диковинный

Зарядье. Дворец торговли с атлантами

Глава 1. Улица Варварка и Зарядье

Представь себе Москву, в которой ещё нет ни метро, ни высоток, ни проспектов. Москву, где от Кремля вниз, к реке, спускается кривая, тесная, невероятно живая улица — и по ней идут, едут, тащат, несут, кричат, торгуются, крестятся, ругаются и хохочут тысячи людей. Улица называется **Варварка**. Она получила это имя от белокаменной церкви святой Варвары, что стоит в самом её начале, — и с этим именем живёт уже больше пятисот лет.

А рядом, впритык, лежит **Зарядье**.

Название это звучит странно для современного уха, и в нём спрятано сразу два смысла. Первый — самый простой: «**за рядами**». За Нижними торговыми рядами, что тянулись вдоль реки и дали всему району имя. Второй — старее, глубже, почти былинный: от старославянского «**заряд**», то есть «наполе», «за рекой», «по ту сторону», — потому что когда-то здесь действительно начиналось наполье, берег Москвы-реки, первая твёрдая земля под ногами на подходе к городу.

Запомни это. Дальше нам это пригодится.

Первое упоминание Зарядья в летописях — **1365 год**. Представь: Дмитрий Донской ещё мальчик, Куликовская битва впереди, а здесь, под кремлёвским холмом, уже кипит жизнь. Уже стоят дворы. Уже пахнет дымом, рыбой, дёгтем, хлебом.

С этой минуты и на пять с половиной веков Зарядье становится **одним из самых густых, самых людных, самых деятельных мест Москвы**. Здесь не селятся князья и бояре — им тут тесно, шумно, низко. Здесь селятся те, кто работает. Ремесленники. Купцы. Приказчики. Толмачи. Возчики. Мясники. Кожевники. Ювелиры. Те, чьими руками Москва ест, пьёт, одевается и торгует.

В XVI веке на Варварке строится **Мытный двор**. Слово «мыт» сегодня звучит как диковинка, а тогда это была самая обычная вещь на свете: таможня. Здесь брали пошлину с каж-

дого воза, с каждой подводой, с каждого тюка, что шёл по дороге с товаром. Не заплатил — не проедешь. Заплатил — добро пожаловать в Москву, в самое её торговое сердце.

А ещё раньше, в середине того же XVI века, здесь появляется то, чего в Москве не было никогда, — **иностранное представительство**. Царь Иван Грозный жалует англичанам палаты «на Варварке, у Максима святого» — для их торговой компании. Так возникает **Английский двор**: первое в истории Москвы официальное иностранное подворье. Англичане живут здесь, торгуют, судят свои споры, хранят товары и ждут кораблей. Их приезд — не экзотика и не случайность: через них в Москву идёт сукно, селитра, свинец, а из Москвы — меха, воск, пенька, мёд. Два мира щупают друг друга через эти каменные стены.

Шли десятилетия. Менялись цари. Менялся сам облик улицы. В XVII веке рядом с Английским двором поднимаются **белокаменные палаты бояр Романовых** — и здесь, по преданию, рождается мальчик, которому суждено стать первым царём новой династии. **Михаил Фёдорович Романов**. Здесь живёт его отец, будущий патриарх Филарет, и здесь, в этих низких сводчатых комнатах, решается судьба русского государства.

Запомни и это.

А потом наступает XVIII век, потом XIX. Зарядье тяжелеет, густеет, стареет. Улица живёт уже не одним порывом, а привычкой. Тут стоят храмы — их строят купцы, разбогатевшие на торговле в Китай-городе. **Церковь Георгия на Псковской горе. Церковь Максима Блаженного. Церковь Варвары** — её возводит Родион Казаков в стиле классицизма. **Церковь Зачатия Анны «в Углу»** — та самая, что останется потом одна от целого Зарядья. Храмы стоят стена к стене, палаты — к палатам, лавки — к лавкам. Здесь молятся, здесь торгуют, здесь живут и умирают, не выезжая за пределы одного квартала.

В середине XIX века на Варварке появляются **Средние торговые ряды** — те, что построит Роман Клейн в «русском стиле» и что будут стоять напротив Кремля как каменный укор и каменная гордость одновременно. Появляются конторы, доходные дома, подворья. На одном только чётном участке улицы — **сорок два владения**. Сорок два! На одной улице. В одном квартале. Тысячи людей, сотни лавок, десятки контор, три храма, две палаты, один двор английский, один — романовский.

Здесь торгуют **чаем и сахаром** — фирма Расторгуевых. Здесь торгуют **резиной** — «Российско-американская резиновая мануфактура». Здесь страхуют — общество «**Якорь**». Здесь ведут дела **Тверской мануфактуры** братья Морозовы — Михаил и Иван, двое коллекционеров-миллионеров, о которых мы ещё вспомним. Здесь хозяйничает **Мария Францевна Арманд**, мать богатейшего московского промышленника Евгения Арманда, — в её доме появится француженка-учительница Инесса Стеффен, будущая Инесса Арманд.

Здесь мехами торгует дядя будущего маршала Жукова — а за прилавком стоит его племянник, Георгий Константинович. Да-да, тот самый маршал Победы.

Здесь, на Варварке, стоит **торговый дом Морозовых**. Под номером пять. А рядом, под номером семь, — «Варваринское подворье» Клейна. Под номером девять — эклектичный шестиэтажный дом Александра Иванова, автора гостиницы «Националь», где сидит контора «Тверской мануфактуры». Под номером одиннадцать — дом Арманд. И где-то в этом узком и бесконечно важном пространстве, между рекой и Кремлём, между Варваркой и Старой площадью, среди всех этих палат, лавок, контор и храмов, начинается **история, ради которой мы здесь собрались**.

История не о царе и не о патриархе. Не о маршале и не о революционерке.

История о **дворце торговли**. О здании, которого больше нет. О самом красивом доме Зарядья.

Возьми в голову эту улицу. Возьми в голову этот склон. Возьми в голову сорок два владения, купцов, храмы, Мытный двор, Английский двор, палаты Романовых, чай, сахар, резину, меха. Запомни, как это пахло, звучало и жило.

Потому что следующий дом, о котором мы будем говорить, — **Товарищество Никольской мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями**, — построят здесь, на этом самом месте, в **1899** году. И он станет украшением Варварки. И он будет стоять, как живой, как король, как атлант на плечах этого города.

А потом его не станет.

Одним из последних. В 1967 году. Чтобы сделать удобный подъезд к гостинице, у которой и без того **уже был другой подъезд**.

Глава 2. Дворец торговли

Есть здания, которые просто стоят. А есть здания, которые **царствуют**. Товарищество Никольской мануфактуры Викулы Морозова с сыновьями — из вторых.

Представь Варварку конца XIX века. Пыльную, оживлённую, обвешанную вывесками, забитую ломовиками, разносчиками, приказчиками, монашками, купцами, мальчишками-подмастерьями, городовыми. Улица идёт вниз к реке, теснится, дышит. И вдруг — посреди этой деловой суеты — вырастает **дворец**.

Не лавка. Не контора. Не доходный дом. Именно **дворец торговли**.

Он построен в **1899 году**. Век только-только перевалил за своё последнее десятилетие, Москва на глазах меняет кожу, электричество ещё не вытеснило газ, а купеческие фирмы уже соперничают не прибылью, а **архитектурой**. Это была эпоха, когда богатство требовало не сундуков, а фасадов. Купец мог торговать ситцем и железом, но выглядеть его контора должна была как что-то из Данте или из Версаля.

Здание Товарищества Никольской мануфактуры построено в стиле **эkleктики** — то есть в стиле, который сам себе выбирает, кем быть. Эkleктика — это когда архитектор берёт лучшее у всех эпох сразу: античный ордер у греков, барочную пышность у итальянцев, ренессансную строгость у флорентийцев — и собирает из этого нечто новое, своё, невозможное в чистом виде, но **своё**. Это не подражание. Это **голос**.

И этот голос — **громкий**.

Фасад здания выходил главной стороной на **Варварку**. Той самой Варваркой, что помнила Ивана Грозного, англичан, Романовых, мытников, кожевников и Расторгуевых с их чаем. И вот теперь сюда, в лицо всей этой пятисотлетней истории, смотрел **новый каменный вельможа** — высокий, нарядный, богато декорированный, уверенный в себе и в своих хозяевах.

И вот тут мы подходим к тому, ради чего эту главу стоило писать.

Атланты.

Одним из элементов внешнего декора здания были **атланты**. Те самые каменные мужики, что держат на своих плечах тяжесть чужих этажей, чужих прибылей, чужой торговли и чужой славы. Атланты — фигура древняя, античная, пришедшая из греческой мифологии, где титан Атлант держит небо. В русской купеческой Москве атланты обозначали одно: **солид-**

ность. Не всякий купец мог позволить себе держать на фасаде целую команду каменных силачей. Это была заявка. Это был **жест**.

И вот эти атланты, державшие на плечах дом Товарищества Никольской мануфактуры, были ничуть не хуже тех, что сегодня украшают фасады десятков московских зданий, о которых пишут путеводители. Они попали бы в любую подборку «атланты и кариатиды Москвы». Они её **заслужили**.

Но не успели. Не успели попасть.

О них вспомнили только тогда, когда дома уже не было.

А теперь — про **хозяев**.

За этим фасадом стоял не один человек, а **династия**. Товарищество Никольской мануфактуры «**Викулы Морозова сыновья**» — одна из крупнейших фирм России, одна из тех, что держали на себе текстильную империю Морозовых, а через неё — всю промышленность страны. Викула Елисеевич Морозов принадлежал к той самой ветви Морозовых, из которой вышли Тимофей, Савва, Викула — люди, чьи фамилии сегодня стали синонимом русского купечества.

Никольская мануфактура — это не про магазинчик. Это про **фабрики**. Про тысячи рабочих. Про ситец, которым одевалась вся Россия. Про рынки сбыта от Нижнего Новгорода до Ирбита и дальше. Про капитал, на котором строились больницы, училища, театры, дома призрения. Про ту самую купеческую Москву, где богатство шло рука об руку с дерзостью, вкусом и — не побоимся этого слова — с **красотой**.

Морозовы умели не только сколачивать состояния. Они умели **строить**. В Твери, в Орехово-Зуеве, во Владимире, в Москве — везде, где работала их мануфактура, они оставляли после себя здания, которые и сегодня называют памятниками. Но их **московское представительство** на Варварке стояло особняком. Потому что Варварка — это не Тверь. Это **сердце** страны. Здесь всё видно. Здесь всё слышно. Здесь фасад — это уже половина репутации.

И они **не промахнулись**.

Здание Товарищества Никольской мануфактуры стало украшением и Варварки, и всего Зарядья. Оно служило дворцом торговли — в самом нежном и самом точном смысле этого слова. Здесь были конторы, здесь велись дела, здесь встречались с партнёрами, здесь подписывали контракты, здесь принимали купцов первой гильдии и именитых гостей. Здесь **работала история** — и работала красиво.

Современники отмечали его как **самое красивое сооружение в данной местности**. Это дорогая формулировка. В Зарядье и вокруг него стояли: Средние торговые ряды Клейна, Гостиный двор Кваренги, «Варваринское подворье», палаты Романовых, десятки домов рубежа веков, построенных лучшими московскими зодчими. И среди всего этого — именно дом Товарищества Никольской мануфактуры называли **самым красивым**. Не «одним из». Не «в числе». **Самым**.

Пройди мысленно по Варварке конца XIX века ещё раз. Красная площадь слева. Кремль впереди. Китай-город вокруг. Купцы, лошади, ящики, вывески, фонари, колокола. И в этой тесноте, в этом вареве, в этом грохоте старой деловой Москвы — **дворец с атлантами**. Каменные мужики держат на плечах каменную тяжесть. Лестницы, карнизы, лепнина, окна, линии, тени. Купеческая Москва в своём самом гордом и самом красивом виде.

Казалось бы: такому дому стоять и стоять. Такому дому — перейти в XX век, пережить революцию, потерять хозяев, но **остаться**. Каменный дом не умирает вместе с теми, кто его построил. Он живёт дальше. Он смотрит. Он помнит.

Но у этого дома была другая судьба. И к ней — уже в следующей главе.

Пока запомни только главное.

Дворец торговли стоял. Смотрел на Варварку. Держался на своих атлантах.

И в этом ему не повезло не сегодня и не завтра, а когда началась эпоха, в которой у каменных атлантов не было никаких шансов перед волей тех, кто решал — что оставить, а что снести.

Глава 3. Красный звон: как в Зарядьеменялись хозяева

Дворец торговли стоял до революции. В нём шли дела. В нём шумели конторы, сновали приказчики, скрипели перья, звонили телефоны — те самые, ручные, с верёвочкой и трубкой, что тогда ещё были диковиной, но уже стояли на столах у больших людей. Атланты держали фасад. Атланты держали время.

А потом пришёл **семнадцатый год**.

Не сразу, не в один день. Революция — это не выстрел и не гром. Революция — это новая тишина, что входит в дома, где раньше жили и говорили, а теперь всё переменялось.

Купцы, что ещё вчера были хозяевами Варварки, в одночасье стали **бывшими**. Слово «бывшие» тогда имело горький смысл: «бывший купец», «бывший домовладелец», «бывший гласный думы». Их **изгнали** **ограбили** — без торжественных речей, без трагедий на площадях, буднично, как вытирают стол.

Дома с кожаной мебелью, конторки, сейфы, ковры, шкафы с бумагами, комнаты для приёмов, лестницы с перилами — всё это вдруг оказалось **ничьим**. Или, точнее, **всеобщим**. Отнятое у одних, оно переходило к другим. Сначала — к комитетам. Потом — к советским учреждениям. Потом — к военным.

Военные получили просторные купеческие владения. Это было логично: армии и ведомствам нужны были помещения — большие, крепкие, с подвалами, с дворами, с толстыми стенами. Дома, которые строились для коммерции, прекрасно подходили для **штабов, складов, казарм канцелярий**. В них вошли люди в шинелях и гимнастёрках — и остались надолго.

Так купеческий Зарядье стал **служивым**. Мытный двор замолк, лавки опустели, вывески заменились табличками учреждений. Но само место жило. Просто **иначе**.

Странное дело: эта смена хозяев прошла почти безболезненно для **архитектуры**. Дворец торговли стоял как стоял. Средние торговые ряды стояли. Гостиный двор Кваренги стоял. Дома Арманд, дом «Якоря», «Варваринское подворье» — всё ещё **были**. Да, в них теперь не торговали, а **сидели** — но они были. Стены, своды, колонны, атланты, карнизы, лестницы, лепнина — всё это никуда не делось.

И вот здесь начинается одна из самых удивительных странностей этого места.

Пока в центре Москвы, по всем её улицам и переулкам, сносились сотни храмов — горели купола, падали колокольни, дробился камень, — **Варварка уцелела**. Церкви на ней не тронули. Ни церковь Варвары. Ни церковь Георгия на Псковской горе. Ни церковь Максима Блаженного. Ни **церковь Зачатия Анны «в Углу»**. Ни палаты Романовых. Ни Английский двор — тот, что «англичан на Москве пожаловал» Иван Грозный, тот, что спасёт от уничтожения своей любовью и упрямством **Пётр Барановский**, тот, что откроют как музей уже в **1994 году** в присутствии королевы Елизаветы II.

Ни одна церковь не погибла. Ни один храм не был снесён.

Для Москвы 20–30-х годов это граничит с чудом. И чудо это объяснимо, но не просто. Здесь сходились причины: и статус охранной зоны Кремля, и то, что палаты Романовых — всё-таки династическая память, которую сносить было неудобно, и то, что Английский двор — память международная. Англичане **бызаметили**. Англичане — всегда неудобные свидетели. Их двор, их первый в Москве иностранный дом, отчего-то пощадили.

Не пощадили **торговое**. Не пощадили то, что не было ни храмом, ни династической реликвией, ни заграничным следом. Не пощадили то, что казалось просто **старым** — конторами, лавками, доходными домами, купеческими подворьями, дворцом Морозова с его атлантами.

Получается странный, неудобный, но честный расклад: **в Зарядье выжило то, что имело «память», и было обречено то, что имело «дело»**. Молитва — уцелела. Торговля — нет. Камень, освящённый в храме, — устоял. Камень, освещённый сделкой, — пал.

Обрати внимание на эту линию. Мы **привыкли** думать, что в 20–30-е сносили церкви и щадили жилые дома. В Зарядье вышло **наоборот**. Здесь щадили **церкви** и сносили **жильё и торговлю**. Ни один храм Варварки не был разрушен. Но почти всё остальное, что стояло от Варварки до Москвы-реки, было отмечено для уничтожения **задолго** до того, как началась большая реконструкция.

Вот в чём настоящий, тихий ужас этой главы. Зарядье начали убивать **не в 1967 году**. Зарядье начали убивать **в конце 20-х — начале 30-х**, когда заводы и учреждения уже плотно сидели в купеческих домах, когда лавки были превращены в склады, когда вывески уступили место табличкам, когда стало неважно, кто именно тут ходит, — важно лишь, что дома **отслужили** своё как торговля и стали не нужны как архитектура.

И вот на этом фоне **Дворец торговли Морозова** стоял ещё несколько десятилетий. Стоял, пока вокруг него менялся мир. Смотрел на новую Варварку. Смотрел на новые должности, новые должности в Английском дворе, новые таблички на столичных стенах. Держался своими атлантами — лишними, забытыми, никем не посчитанными. Но **держался**.

Казалось бы — теперь всё уже не так плохо. Храмы сохранили. Палаты сохранили. Атланты держат. Купеческое Зарядье превратилось в учрежденческое Зарядье, и это как будто даже порядок, как будто даже **сохранение**. Город привык, что здесь не торгуют, а **служат**. Город привык, что Варварка — не улица больших денег, а улица больших учреждений.

Но это была тишина перед следующим шагом.

В воздухе уже висело то, что через два десятилетия станет приговором. Планы, бумаги, чертежи, решения. Идея **реконструкции Москвы**. Восьмая высотка в Зарядье. Другие пропорции, другие фасады, другая стоимость квадратного метра. Мир собирался меняться в очередной раз — и меняться быстро.

А пока — конец третьей главы. Конторы работают. Атланты держат. Храмы стоят. Палаты стоят. Дворец торговли стоит.

Живёт.

Пока стоит — живёт. И это чувство — **пока стоит** — то чувство, с которым придётся идти дальше.

Глава 4. 1967. Гостиница «Россия» и двадцать восемь зданий

Есть даты, которые в Москве произносятся как приговор. Для Зарядья такой датой стал **1967 год**.

Но преступление против этого места готовилось долго.

Начнём с того, что Зарядье **уже почти не было**. К концу 50-х от огромного старого района, что спускался от Варварки к Москве-реке, осталась едва ли половина. Часть зданий разобрали ещё **до войны**— тихо, без официальных постановлений, как это часто делалось в те годы: сначала «временно», потом «по ветхости», потом просто исчезли. Дома уходили, но никто не считал, сколько их. Считали **потом**. И ужасались.

После войны у Зарядья появился план. **Восьмая высотка**. Та самая, из сталинского списка — восемь небоскрёбов, из которых построили семь. Восьмая должна была встать **здесь**, в Зарядье, и своим триумфальным телом задавить старый район окончательно. Её проектировали, её рисовали на обложках, её представляли себе как новую доминанту Китай-города. Потом проект отменили — Хрущёв не любил сталинскую помпезность. Но сам подступ к Зарядью это не спасло. **Приговор уже был написан**, только в другом жанре.

Место под высотку освободили. Освобождать его — значило **сносить**. А сносить в 50-е и 60-е было ещё проще, чем до войны: техника окрепла, бульдозеры стали надёжнее, снабжение заработало как часы. То, что в 30-е делалось вручную, теперь делалось **машинами**. И это было быстро.

И вот приходит **1967 год**. На месте бывшего Зарядья решено строить гостиницу **«Россия»**— крупнейшую в мире. Не высотку, не дворец советов, не сталинскую триумфальную арку — а **гигантский гостиничный комбинат** на двадцать одну тысячу мест. Супер-отель для всей страны, для всех делегаций, для всех съездов, для всей новой советской Москвы, которая вот-вот перестанет быть деревянной и станет **панельной**.

Гостиницу строят на месте **Средних торговых рядов Клейна**? Нет, не совсем — Средние торговые ряды как раз собирались **пощадить**. Их отдали под снос не сразу: сначала в них хотели вдохнуть вторую жизнь, устроить «фешенебельную гостиницу», перекрыв двор про-

зрачной крышей, как это сделали в соседнем Гостином Дворе. Эта затея с **треском провалилась**. Пощадили-таки. Не надолго. (Но это уже отдельная история, к Средним торговым рядам мы ещё вернёмся.)

Гостиница «Россия» должна была встать **за ними**, на месте снесённых кварталов. Для этого требовалось **освободить площадку**. И вот тут начинается самое горькое.

Двадцать восемь капитальных зданий. Это официальная цифра. Не приписки, не догадки — **двадцать восемь**. За один только снос под «Россию» Зарядье потеряло ровно столько. От нечётной стороны, что до революции насчитывала **сорок два владения**, к концу стройки осталось **четынадцать**. Остальные **обрушились в 1967 год**.

Ушли под снос:

Товарищество «Викулы Морозова сыновей». Тот самый дворец торговли. С атлантами.

Фирма Д. и А. Расторгуевых — чай и сахар.

«Российско-американская резиновая мануфактура». Каучук, галоши, автомобильные шины, вся новая промышленность в одном старом фасаде.

Страховое общество «Якорь». Страховка, сейфы, конторы, купеческие бумаги.

И многие другие, **имена которых мы уже не восстановим так же точно**, потому что утрата была такой массовой, что сначала забывались хозяева, а потом и сами дома. Только цифры и обломки.

Именно в этом бездонном перечне горечи особенно остро ощущается судьба **дворца торговли Морозова**. Помнишь, мы говорили, что его дом — самое красивое сооружение в данной местности? Теперь представь: этот дом снесли **одним из последних**. Город уже стоял с «Россией» на плечах, главная стройка была завершена, гигантский отель принимал первых постояльцев — а дом **ещё стоял**. Стоял почти до самого конца, до того момента, когда всё уже было решено и позади, и его просто **доразобрали** вместе с лишним куском старой Варварки.

Так зачем же его снесли?

Официально — чтобы сделать **удобный подъезд** гостинице **со стороны Варварки**. Дорога, ведущая прямо к гостиничному фасаду. Парадный въезд. Чтобы делегации подъезжали **красиво**.

А теперь главное.

У гостиницы уже был другой подъезд.

Он был, работал, к нему шли улицы. То есть дом, стоявший здесь почти семьдесят лет, снесли не потому, что без него нельзя было обойтись. Его снесли потому, что так было **удобнее**. Не нужно. Не необходимо. А **сподручнее**.

Вдумайся в эту формулу. **«Удобнее».** Одно слово, и оно стоит жизней десятков зданий, жизни целого района, жизни материала, который уже никогда не восстановят. Слово «удобнее» — как та прозрачная стена, за которой стираются сразу имена и целые эпохи.

Снос дворца Морозова стал финальным аккордом. После него на месте Зарядья стояли: гостиница «Россия», корпуса Средних торговых рядов, Гостиный двор, храмы Варварки, палаты Романовых, палаты Английского двора — и **пустоты**. Много пустот. Трава. Обломки. Спрятанные фундаменты. Стены, которых нет.

Что стало с домом Морозова после сноса? **Ничего.** Он не сохранён в разобранном виде, не перенесён в музей, не законсервирован под стекло. Его просто **разобрали**. Атланты — те самые, что когда-то поддерживали фасад, ставший украшением Варварки, — **исчезли**. Мы не можем указать пальцем в музейный зал и сказать: «Вот они, смотрите». Мы не можем прийти на Варварку и посмотреть на место, где они стояли, — потому что там теперь другая Варварка. Другая жизнь.

Только имена, только даты, только **двадцать восемь**. И боль, которую испытывает любой, кто хоть раз попытался **пересчитать** утраченное — по домам, по владениям, по фотографиям, по чужим воспоминаниям.

И вот здесь стоит остановиться. Скажу честно и прямо.

В этой книге не будет **фальшивого гнева**. Я не стану делать вид, что знаю, как надо было. Строители не были злодеями. Они делали свою работу — хорошо, аккуратно, по плану, на благо города. Так же, как купцы, что строили эти дома, делали **свою**. Столкновение было не между добрыми и злыми, а между **эпохами**, у которых разный инструмент, разные масштабы и разная **шкала цены**.

И всё же — **двадцать восемь**. Это ведь не просто число. Это счёт. То, что **мы умеем считать**. А раз умеем — значит, помним. Раз помним — значит, есть у нас с тобой чем ответить на слово «удобнее».

Глава 5. Пустырь вместо Зарядья

Что остаётся на месте, которого нет?

Сначала — обломки. Потом — ничего. Потом — трава. Потом — привычка. И вот уже люди, родившиеся после сноса, ходят по этому месту и даже не догадываются, что когда-то здесь был **город внутри города**.

Зарядье после 1967 года перестало существовать как **район**. Оно стало **остатком района**. Между гостиницей «Россия» и Москвой-рекой. Между Варваркой и Кремлём. Между тем, что помнят, и тем, что видно.

Пойдём по улице. Медленно. Как будто ещё раз, в последний раз, всматриваясь.

Варварка, чётная сторона. Здесь до революции было **сорок два владения**. Сорок два! От церкви Варвары, что дала улице имя, до большого доходного дома купца первой гильдии **Зелика Персица** — строителя и владельца масложирового комбината в Нижнем Новгороде. Его тёзка — тоже Зелик Персиц, — получил за храбрость **Георгиевский крест III степени** Первой мировой. Здесь стояло здание, в котором размещалось **Министерство торговли СССР**, — и на нём висела мемориальная доска **Анастасу Микояну**, самому «долголетнему» члену Политбюро: сорок лет в руководстве, торговля, пищевая промышленность, снабжение. Доску сняли при реконструкции дома. Доска — снята. Дом — не стоит. Владения — исчезли.

После вала разрушений, случившегося, когда строили «Россию», из сорока двух владений осталось **четырнадцать**. Всё, что было **подобному**, что сломали на нечётной стороне, сломали и здесь. Ради **подъездов к гостинице**. Ради дорог, по которым удобнее подъезжать, — если не задумываться о том, что **подъезжать уже можно было иначе**.

Дома Товарищества **«Викулы Морозова сыновей»**. Фирмы **Д. и А. Расторгуевых**. **«Российско-американской резиновой мануфактуры»**. Страхового общества **«Якорь»**. И череда других. Всего — **двадцать восемь капитальных зданий** на этой стороне. Все — под снос.

А что уцелело? Поговорим о чуде.

Все **церкви и монастыри** на Варварке выжили. В городе, где в 20–30-е годы снесли **сотни** замечательных памятников, здесь **не тронули ни одного храма**. Более того — их не

только сохранили, но и **научно отреставрировали**. В годы СССР. Представь, что это значит: в стране, где храмы взрывали, церкви на Варварке проходили реставрацию как **памятники архитектуры**. После распада Союза все они вернулись к Русской православной церкви. Стоят.

В центре старой Москвы **нет ни одной улицы**, где на таком маленьком пространстве сконцентрировалось бы столько **храмов и палат**. Это музей под открытым небом. Здесь можно увидеть, как выглядели палаты и церкви в Средние века, — **своими глазами**, не в книге, не в макете.

Пойдём по этому музею.

Палаты Английского двора. Те самые, которыми Иван Грозный «**англичан на Москве пожаловал**». В них англичане жили и торговали, пока в Англии не казнили своего короля, — что вызвало гнев царя Алексея Михайловича, и англичане Москву покинули. Со временем палаты превратились в обычный жилой дом: **коммунальные квартиры, Библиотека иностранной литературы**. Спасти их от уничтожения удалось **Петру Барановскому** — человеку, который безмерно любил и знал прошлое Москвы. Барановский — это отдельная большая история, которая в следующие годы будет возникать у нас не раз. После реставрации и воссоздания палат здесь открыли музей — в **1994 году**, в присутствии **королевы Елизаветы II**. Англичане вернулись. Спустя три с половиной века.

Палаты бояр Романовых. Три яруса: трапезная, кабинет боярина, комната старших сыновей, терем, женская половина. По преданию, здесь родился **Михаил Романов**, избранный на царство в **1613 году**. Здесь жил его отец, будущий **патриарх Филарет**, правивший государством вместе с сыном. XVII век, каменные своды, узкие окна, лавки, сундуки, суровая и тёплая боярская жизнь. Всё — живое. Всё — **подлинное**.

Церковь Георгия на Псковской горе. Пятиглавая, небольшая, середины XVII века.

Церковь Максима Блаженного. Конец того же века, названа в честь святого, похороненного на этом месте. После пожара её восстановили, придав **черты барокко**. Здесь до закрытия руководил церковным хором **инок Платон** — будущий **патриарх Московский и всея Руси Пимен**. Маленькая деталь, но в ней — вся связь: одна и та же улица, один и тот же хор, одна и та же вера — от XVII века до XX.

Церковь Варвары. Классицизм, начало XIX века, архитектор **Родион Казаков**. Та самая церковь, что дала улице имя и стоит в самом её начале.

И наконец — **церковь Рождества Иоанна Предтечи**, она же **Климента Папы Римского**, год постройки — **1741-й**. Находится под номером пятнадцать, на нечётной стороне, завершает улицу. Недавно — в **2024 году** — она наконец дождалась **реставрации** и заблестела золотыми куполами. Ещё один живой свидетель.

А теперь — самое горькое место. Угол **Варварки и Старой площади**.

Здесь с давних пор **зияет провал**. Заросший травой **пустырь**. Он появился, когда снесли дом, принадлежавший, согласно адресно-справочной книге «**Вся Москва**» за **1917 год**, некой **Поповой**, без инициалов. Без имени. Без отчества. Без истории. Просто — **Попова**. К этому уродству в самом центре — у зданий бывшего ЦК партии, ныне Администрации Президента — **давно привыкли**. Никто не собирается замечательной улице вернуть утрату. Никто не собирается придать ей завершенность. Это **семнадцатый пустырь** в охранной зоне Кремля, встреченный на пути, начатом в Соймаоновском проезде напротив храма Христа Спасителя. **Семнадцатый**.

А что на нечётной стороне? Средние торговые ряды, Гостиный двор Кваренги, «Варваринское подворье» Клейна, доходный дом под номером девять (Александр Иванов — автор «Националя»), где размещалась контора «**Тверской мануфактуры**» братьев Морозовых. **Михаил и Иван** — оба успешно вели дела, оба коллекционировали русскую и европейскую живопись. **Иван Морозов** прославился собранием современной французской живописи, картинами экспрессионистов. Французские художники называли его «**русским, который не**

торгуется». Так коллекционер оказался точнее всей торговой улицы: он торговался не за деньги, а за искусство, и — не торговался.

Вот что осталось. Вот что живёт. Вот что стоит **рядом с пустырями**— и с каждым годом становится всё драгоценнее.

Церковь Зачатия Анны «в Углу». Одна-одинёшенька. Миниатюрная. Последняя живая капля огромного утраченного района. Помянутого в её названии «**угла**» больше нет: он исчез, когда до войны разобрали **крепостные стены Китай-города**на Москворецкой набережной. Нет и **Нижних торговых рядов**, давших название Зарядью, — ведь оно было «**за рядами**». Рядов нет. Угла нет. А церковь **стоит**. На посаде, где когда-то кипела вся эта жизнь. Одна. Как маленький маяк на затонувшей земле.

Теперь о том, что **живёт рядом**. **Средние торговые ряды Клейна**. Трёхэтажные корпуса, выходившие на все четыре стороны света, — и в просторном дворе четыре двухэтажных здания в **русском стиле**. После революции купцы уступили их военным. Здания во дворе — памятники архитектуры — **снесли** под ту самую «фешенебельную гостиницу» с прозрачной крышей. Затея, повторимся, **с треском провалилась**. В **2012 году** президент России **Владимир Путин** предложил передать осиротевшие корпуса **Оружейной палате**— есть что показывать народу. Сейчас над крышами корпусов высятся **башенные краны**. Работа идёт. Медленно, но идёт.

Гостиный двор Кваренги. Тот, чей проект передан Москве **Екатериной II**, а выстроен по проекту **Джакомо Кваренги**. Здесь, в одной из лавок, принадлежавшей дяде **Георгия Константиновича Жукова**, торговал мехами племянник — **будущий маршал Советского Союза**. При советской власти здание пришло в упадок: в лавках сидели сотни мелких учреждений, не имевших никакого отношения к торговле. Правительство Москвы освободило здание, перекрыло двор **прозрачной крышей**— и под ней возник универсальный зал. Купеческие лавки на двух этажах заняли **бутики самых известных компаний мира**. Круг замкнулся: то, что было лавкой, снова стало лавкой — только с другим ассортиментом и другими ценниками.

Так что же это — конец или начало?

Не то и не другое. Это **пустота, которую уже не заполнить**. Зарядье как район не вернётся. Даже если восстановить каждое снесённое здание — это будет не Зарядье, а **реконструкция Зарядья**. Живого района, где купцы пили чай, где Расторгуевы продавали сахар, где Морозовы держали мануфактуру, где страховые общества выдавали полисы, где англичане судили свои споры, где солидный мальчик из семьи Жуковых служил приказчиком в лавке дяди, — **этого Зарядья** больше нет и не будет. Оно жило **своей жизнью**, шло **своими переулками**, отвечало на **свои вызовы**. Мы можем любить его, помнить его, читать о нём — но **вернуть** его мы не можем. И не надо делать вид, что можем.

Что мы можем — это **знать**. Знать три адреса. Три живых опоры.

Варварка. Храмы. Палаты. Церковь Зачатия Анны «в Углу». Последняя капля.

Палаты Романовых. Английский двор. Барановский. Барановский. Барановский. Потому что без Барановского половина этого списка сегодня была бы **пустырём**.

И память — о том, чего нет. О доме Поповой без инициалов. О Средних торговых рядах с четырьмя фасадами и четырьмя снесёнными корпусами во дворе. О Тверской мануфактуре братьев Морозовых. О доме Арманд. О резиновой мануфактуре. О фамилиях — Расторгуевы, Персицы, Клейн, Иванов, Казаков, Кваренги. И о самом главном: о **дворце торговли с атлантами**, стоявшем на Варварке и снесённом одним из последних, чтобы сделать лишний подъезд к гостинице, у которой **уже был другой подъезд**.

Это не про гнев. Это про **уважение**. Уважение к тем, кто строил, кто жил, кто верил, что строит **навсегда**, — и кто всё-таки построил **навсегда**, только в нашей памяти, а не на городской земле.

Эпилог. Парк «Зарядье»

Сегодня там парк.

Не пустырь, не провал, не заросший травой угол Варварки и Старой площади — а **тринадцать гектаров** зелени, воды, стекла и камня. Место, куда приходят гулять, кататься на лыжах, смотреть на Кремль с парящего моста, дышать воздухом, которого в центре Москвы больше нигде нет.

Но Зарядье — не «новое место». Зарядье — одно из **самых старых** мест Москвы. Оно существует с момента основания города.

Название его идёт от старославянского слова «заряд» — «наполе», потому что территория лежала когда-то у самой реки, на берегу Москвы. Первое упоминание — **1365 год**. В XVI–XVII веках здесь жили ремесленники, купцы, приказчики. На Варварке стоял **Мытный двор** — таможенный, где вносили пошлину за проезд с товарами. Рядом — **Английский двор**, резиденция английской торговой компании, **первое иностранное представительство в Москве**. В XIX веке район был густо населён, в нём жило много евреев; после их принудительного выселения в конце столетия Зарядье пришло в упадок — и это тоже часть его истории, как и всё остальное.

А потом пришёл XX век и забрал почти всё.

1967 год. На месте снесённых зданий — включая Морозовский дворец торговли, снесённый одним из последних, — поднимается **гостиница «Россия»**, крупнейшая в мире. Она стоит десятилетиями. Потом становится убыточной. Потом её сносят. И там, где только что была гостиница, снова пусто — на годы, на десять лет, на целую эпоху ожидания.

2012 год. Власть и город спорят о деловом центре, о парламентском центре, об очередной гостинице. Побеждает идея другого рода — **парк**. Конкурс выигрывает бюро **Diller Scofidio + Renfro** из США. В **2017 году** парк «Зарядье» открывается.

Критики не молчат. Движение «Архнадзор» прямо заявляет: проект проигнорировал правовой режим **охранной зоны Московского Кремля**, при строительстве не были проведены **полноценные археологические работы**. Там, где ступала земля XIV века, спешно закладывали фундаменты XXI. Но тот же проект получает несколько международных наград,

и в нём действительно появляется то, чего у Москвы давно не было, — **живое, дышащее общественное пространство**.

Парк насчитывает около **13 гектаров**. Ландшафтные зоны, фонтаны, смотровые площадки, «**Крытый парк**» — здание, где проходят выставки и мастер-классы. Большая часть объектов — **под землёй**, и это красиво: парк не выпирает, а вырастает в холм, отдавая небо Кремлю.

Четыре климатические зоны России собраны в одном месте:

Северный ландшафт — можжевельник, ягель, лишайники. **Степь** — душистые травы, злаки, кормовые растения. **Смешанный лес** — лиственные и хвойные деревья, пойменный лес. **Заливные луга** — пойменные травы и два пруда.

В каждой зоне поддерживается **свой искусственный микроклимат**. Ландшафт по настоящему раскрывается летом, но и зимой парк необыкновенно хорош.

Только вот **атлантов** больше не встретишь.

Только вот **Морозовского дворца торговли** — с его фасадом на Варварку, с его лепниной, с его каменными держателями — здесь нет. Он не вернулся. Парк — это не восстановление Зарядья, это его **новое лицо**. Здесь гуляют, здесь дышат, здесь любуются Кремлём с моста, здесь растёт ягель и ковыль. И где-то под этой травой, под стеклом «Крытого парка», под дорожками и газонами, под прудами «Заливных лугов» — **лежит Зарядье прежнее**.

Того Зарядья больше нет. Есть это.

Оно не хуже и не лучше. Оно **другое**. Но это по-прежнему Зарядье — самое старое место Москвы, которое опять живёт, опять дышит, опять принимает людей. Просто теперь вместо атлантов — сосны. Вместо торговых лавок — смотровые площадки. Вместо сквозных пробоин и пустырей — зелёные холмы, спуск

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.